

сферы и уровня жизни... еще раз подчеркнем ключевую значимость поляризации нашего общества. Здесь ни в коем случае нельзя полагаться на общие и средние цифры» [9].

Примечания

1. Аганбегян А. Г. Социально-экономическое развитие России. М., 2004. С. 124.
2. Хулиганы избили целую деревню // СМ-номер один. 2007. № 34.
3. Не берут на работу по национальному признаку // СМ-номер один. 2008. № 10.
4. Бурдые П. Общественное мнение не существует // Хрестоматия для дистанционного обучения / Сиб. акад. гос. службы. Новосибирск, 2002. С. 45.
5. Там же. С. 44.
6. Там же. С. 5.
7. Там же. С. 123.
8. Валентей С. Д. Федерализм: российская история и российская реальность. М., 1998. С. 92
9. Василенко И. А. Политическая философия. М., 2004. С. 79.

МЕТЁЛКИНА Л. Н.

ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ЖЕНЩИН ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ОРГАНАХ ВЛАСТИ В 1930-Х - НАЧАЛЕ 1960-Х ГГ.

В настоящее время бытует стереотип, что женщины в советское время «имели власть», которая теперь ими утрачена, что выражается в крайне незначительном представительстве женщин в органах власти различного уровня. Между тем анализ участия женщин в органах власти в 1930-х – начале 1960-х гг. свидетельствует о достаточно скромном их присутствии в составе политической элиты как союзного, так и регионального уровня.

Э. Модсли и С. Уайт, выделяя, на основе членства в ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, «раннюю сталинскую» (1923–1939 гг.), «позднюю сталинскую» (1939–1956 гг.) и «постсталинскую» (1956–1958 гг.) элит [25, с. 140], отмечают, что из 328 человек, составлявших позднюю сталинскую элиту, женщин было всего 3,4 % (11 человек), при этом их доля в составе ранней сталинской элиты была еще ниже – 2,5 % (6 из 236) [25, с. 163–164]. В позднесталинской и постсталинской элите число женщин в ЦК возросло до 41, однако и в этом случае их доля не превышала 4,3 %, «да и то достигала этого уровня лишь благодаря тому, что некоторые женщины, например, знатные ткачихи, доярки и т. п. кооптировались в состав ЦК в обход должностного принципа формирования элиты. Их членство в комитете имело чисто символический, декоративный характер» [25, с. 164].

Еще в большей степени «символический» характер участия женщин проявлялся в формировании высших органов государственной власти. Так, в составе Центрального Исполнительного Комитета СССР 6-го созыва (1931–1935 гг.) среди 22 представителей Восточно-Сибирского края оказались 3 женщины: М. Т. Зверева, бывшая красная партизанка, колхозница, Нерчинско-Заводский район; М. Е. Кондратьева, колхозница, Новоселовский район; Д. Эрдынеева, рабочая, г. Верхнеудинск [10, л. 18, 19].

Подобный подбор депутатов, основополагающим критерием при котором было рабоче-крестьянское происхождение, вполне соответствовал установившемуся с начала 30-х гг. порядку работы высшего органа государственной власти, при котором, несмотря на формально высокий статус, на сессиях ЦИК СССР делегатам фактически отводилась роль статистов, утверждающих «списком» постановления, принятые Президиумом ЦИК между сессиями ЦИК СССР. На сессии в январе 1934 г. этот список состоял из 34 постановлений, в январе 1936 г. он уже насчитывал 66 постановлений. Такая практика, с одной стороны, лишала делегатов возможности обсуждения закона, внесения в него изменений, с другой – позволяла в большом количестве включать в состав высшего органа государственной власти рабочих и крестьян, обладавших необходимыми анкетными данными, но не имеющих зачастую даже минимального образования.

Выборы в Верховный Совет 1937 г. прошли уже после поэтапных преобразований, в результате которых на территории Восточной Сибири были образованы 4 самостоятельных административно-территориальных единицы: Красноярский край, Иркутская и Читинская области и Бурят-Монгольская АССР. И при подборе женщин – кандидатов в депутаты первого созыва сформировалась та модель, которая оставалась практически неизменной на протяжении последующих трех десятилетий: 80 % в 1-м, 83 % – во 2-м, 80 % – в 3-м, 75 % – в 5-м и 6-м созывах от общего числа представляющих Восточную Сибирь женщин являлись представительницами национальных округов или автономий. При этом следует отметить, что ни в одном из шести анализируемых созывов Верховного Совета СССР не было женщин среди депутатов от Агинского Бурят-Монгольского и Эвенкийского национальных округов. Наибольшее же представительство женщин было характерно для Бурят-Монгольской (Бурятской) АССР (всего – 17 человек), удельный вес которых – среди представительниц Восточной Сибири в Совете Национальностей – колебался от

60 % в 1-м созыве, 50 % – во 2-м и 3-м, 44,5 % в 4-м, 50 % – в 5-м и 33 % – в 6-м. Кроме того, еще по одной представительнице этой республики были избраны в Совет Союза 2-го и 5-го созывов. Примечательно, что единственной женщиной, трижды избиравшейся депутатом Верховного Совета СССР 1–3-го созывов, была опять-таки представительница БМАССР – Г. А. Цыденова. По 7 женщин были избраны депутатами Совета Национальностей Верховного Совета СССР различных созывов от Тувинской автономной области (республики) и Хакасской автономной области.

В целом же доля женщин среди депутатов, представляющих регионы Восточной Сибири в Верховном Совете СССР, хотя и непоследовательно, но возрастала – 13,9 % в 1-м созыве, 14,6 % – во 2-м, затем спад – до 12,2 % – в 3-м, скачкообразный, более чем в 2 раза, рост женского представительства в 4-м – до 26 %, с последующим последовательным уменьшением: до 24,5 % в 5-м созыве и до 22,2 % – в 6-м (табл. 1).

Таблица 1

Динамика представленности женщин – депутатов от регионов Восточной Сибири в составе палат Верховного Совета СССР 1–6-го созывов

	1-й созыв		2-й созыв		3-й созыв		4-й созыв		5-й созыв		6-й созыв	
	Совет Союза	Совет Нац-тей	Совет Союза	Совет Нац-тей	Совет Союза	Совет Нац-тей	Совет Союза	Совет Нац-тей	Совет Союза	Совет Нац-тей	Совет Союза	Совет Нац-тей
Общее кол-во депутатов	569	574	682	657	678	638	708	639	738	640	691	652
Кол-во депутатов от Вост. Сибири	15	21	18	23	18	23	22	24	25	24	25	29
Женщины – депутаты Верховного Совета СССР от регионов Вост. Сибири												
Общее кол-во	-	5	2	4	1	4	3	9	6	6	3	9
БМ АССР		3	1	2		2		4	1	3		3
Тувин. обл.						1		2		1		3
Хакас. авт. обл.				1		1		2		2		1
Таймыр. нац. округ												1
Усть-Ордын. Бурят.-Монгол. нац. окр		1		1				1				1
Краснояр. край			1		1		1		2		1	
Иркут. обл.		1					1		2		1	
Читин. обл.							1		1		1	

Что касается региональных органов Восточной Сибири – и здесь ситуация мало отличалась от сложившейся в центральных органах.

Так, в составе 133 членов Крайисполкома, избранных 1-м съездом Советов Восточно-Сибирского края (1931 г.), было только 22 женщины (16,5 %), из которых 13 – колхозницы [10, л. 6–9] Вообще же в 30-е гг. лишь 3 женщины на территории всей Восточной Сибири занимали должности, подразумевающие определенную самостоятельность действий хотя бы на районном уровне: двое – в 1932–1935 гг. – были председателями райисполкомов Восточно-Сибирского края и лишь одна, В. П. Остроумова, в 1935–1937 гг. являлась первым секретарем Игарского горкома ВКП(б) Красноярского края [16, л. 43; 23, л. 20].

«Кадровая революция» 1937 г. не увеличила количество женщин в региональных партийных и советских органах. Так, Красноярский крайисполком специально обращал внимание на крайне слабое выдвижение женщин в 1937 г.: ни одной женщины не было выдвинуто на должность председателя или зам. председателя райисполкома, только 3 женщины – председателя поссовета и 2 – зам. председателя поссовета [19, л. 19]. В Иркутской области был единственный случай выдвижения женщины на должность председателя РИКа – в ноябре 1938 г. Тулунский райисполком возглавила Е. П. Бочкарева [11, л. 6].

В качестве скорее исключительного, чем типичного явления следует рассматривать выдвижение в апреле 1941 г. на должность Председателя Президиума Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР (должность в большей степени номинальную, но формально – высшую в республике) 32-летней Г. А. Цыденовой, депутата Верховного Совета СССР [30].

Ситуация изменилась в годы Великой Отечественной войны. Уже к августу 1941 г. в Иркутской области не было райкома, где бы не работало 50 и более процентов женщин [26, с. 340]. За три с половиной военных года Красноярским краевым комитетом ВКП(б) было вновь выдвинуто на партийную, советскую, комсомольскую, профсоюзную и хозяйственную работу более 10 тыс. человек, 69 % из которых составляли женщины [27, с. 327].

Читинский обком ВКП(б) в первый же военный год отмечал значительный рост числа женщин в партийном аппарате – с 7,3 % на 1 марта 1941 г. до 23 % к 1 июля 1942 г. [1, л. 13]. Такая тенденция сохранялась до 1943 г. включительно, когда было достигнуто максимальное присутствие женщин в партаппарате – 34,3 %, по-

сле чего начался некоторый спад – 32,7 % в 1944 г. [2, л. 20б] и в 1945 г. [4, л. 30б].

Однако массовые выдвижения женщин в Восточной Сибири происходили исключительно за счет замещения неключевых вакансий преимущественно районного и низового уровня. Ни в одном из восточно-сибирских регионов даже острый кадровый дефицит военного времени не привел к выдвижению женщин на должности секретарей обкомов или крайкома. Известны лишь единичные случаи занятия должностей первых секретарей райкомов ВКП(б) женщинами. Так, с января 1942 г. по июль 1943 г. Усинский РК ВКП(б) Красноярского края возглавляла Е. Т. Стрелкова [17, л. 133], в 1943 г. первыми секретарями Шилкинского и Зейско-Учурского РК ВКП(б) Читинской области были Наследышева и Асланова [3, л. 7].

На 1 января 1945 г. в Красноярском крае женщинами были замещены: 1 должность заместителя председателя крайисполкома, 2 – председателей и 6 – зам. председателей горисполкомов, 1 – председателя и 12 – зам. председателей райисполкомов [18, л. 218, 214, 171].

Окончание же войны по всей стране привело к такому обвальному сокращению женщин в партийных и советских органах, что в конце 1947 г. это стало уже объектом пристального внимания со стороны ЦК ВКП (б). В докладной записке «О состоянии с выдвижением женщин на руководящую работу» на имя А. А. Жданова отмечалось, что «под разными предлогами женщин отстраняют от руководящей работы», и процесс этот протекает чрезвычайно активно: «на 1.1.1945 г. в составе руководящих работников, входящих в номенклатуру ЦК ВКП (б), было 7 % женщин, а на 1.1.1947 г. их осталось 4,2 %. В составе руководящих работников республиканских, краевых, областных, городских и районных организаций <...> женщин было 19 % к общему составу, а осталось <...> 9,7 % ко всему числу номенклатурных работников. При этом особенно уменьшилось число женщин в составе руководящих работников в областных, краевых и республиканских организациях – с 23,3 % до 7,9 %» [28, л. 39].

Число женщин в составе руководящих работников в первые послевоенные годы по отдельным регионам Восточной Сибири также сокращалось, хотя и не так активно, как по стране в целом (табл. 2).

Таблица 2

Динамика сокращения женщин в составе руководящих работников в Восточной Сибири

Области, края и республики	На 1 янв. 1945 г.		На 1 янв. 1947 г.		Сокращение, в %
	В абс. данных	%	В абс. данных	%	
Бурят-Монгольская АССР	140	25,8	68	11,9	54
Красноярский край	320	20,7	197	12,5	40
Иркутская область	174	20,9	95	10,3	51

В Советском Союзе к 1947 г. не осталось ни одной женщины в составе первых и вторых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик, только 5 женщин работали в должностях секретарей обкомов и лишь 53 райкома из 5 354 возглавлялись женщинами.

Не лучше обстояли дела и с занятием женщинами руководящих должностей в советских органах. В 1941 г. в составе председателей Президиумов Верховных Советов и председателей Советов министров союзных республик, областных и краевых исполкомов работали 4 женщины, а в 1947 г. осталась только одна [28, л. 39, 63]. В Восточной Сибири в марте 1947 г. была освобождена от должности Председателя Президиума Верховного Совета БМАССР Г. А. Цыденова. И хотя ей был предложен пост министра сельского хозяйства республики, от этого назначения она отказалась, сославшись на отсутствие высшего образования и, одновременно, обратилась с просьбой отпустить ее на учебу. Однако истинная причина была в другом: сельское хозяйство республики находилось в таком состоянии, что, уже многие годы спустя, Г. А. Цыденова комментировала предложение ей министерского поста однозначно: «Хотели повесить на меня всех дохлых собак» [21]. В конечном итоге, на очередной сессии Верховного Совета БМАССР ее избирают неосвобожденным заместителем Верховного Совета, а с сентября 1947 г. Г. А. Цыденова становится студенткой Улан-Удэнского зооветеринарного института и в дальнейшем уже никогда не возвращается ни к профессиональной советской, ни к партийной работе, до выхода в 1960 г. на пенсию – персональную, союзного значения – работая преимущественно ветеринарным врачом [21].

Заместителями председателей облисполкомов по стране в 1947 г. работало только 7 женщин, хотя еще в 1945 г. на этих должностях их было 35 [28, л. 40]. В Восточной Сибири эту долж-

ность женщина занимала лишь в Тувинской автономной области, в 1944 г. вошедшей в состав СССР. При этом Х. А. Анчимая являлась личностью во многом уникальной. Во-первых, политический долгожитель: еще в 1940 г. – в 28 лет – она была избрана председателем Президиума Малого Хурала Тувинской Народной Республики, с 1945 по 1961 г. она бессменно занимала пост заместителя председателя Тувинского облисполкома, а с 1962 по 1979 г. – заместителя председателя Совета Министров Тувинской АССР. Во-вторых, практически олицетворение революционного лозунга «кто был никем, тот станет всем»: сирота из бедняцкой семьи, затем – выпускница Коммунистического университета трудящихся Востока, с 1940 г., по сути – президент Тувинской Народной Республики. В-третьих, что уж совсем не типично, с того же 1940 г. Х. А. Анчимая – жена С. К. Тока, который с 1933 по 1945 г. являлся генеральным секретарем ТНРП Тувинской народной республики, а с 1945 по 1973 г. – первым секретарем Тувинского областного (республиканского) комитета коммунистической партии и при этом – еще и мать пятерых детей [29].

Из 5 119 председателей городских и районных исполкомов советов депутатов трудящихся по всему Советскому Союзу оставалось только 40 женщин, хотя в 1945 г. их было 98 [28, л. 49].

На основании вышеприведенных данных был сделан вывод о прямом несоответствии «между активным участием женщин в общественно-политической жизни и в создании всех материальных ценностей страны и их крайне недостаточном привлечении к управлению государством» [28, л. 40–41]. Следствием этого стала проводимая во всесоюзном масштабе кампания, направленная на увеличение представительства женщин в органах власти всех уровней. И уже в 1948 г. были достигнуты некоторые результаты в этом направлении.

Так, к маю 1948 г. секретарями обкома работали уже 25 женщин, председателями облисполкомов – 26, первыми секретарями горкомов и райкомов партии – 61 женщина [28, л. 38]. Однако если в составе руководящих работников всех уровней на 1 января 1947 г. было 10 690 женщин, или 9,7 % к общему числу работников, то на 1 января 1948 г. их осталось 9 372 человека, или 9,5 %, т. е. за год произошло сокращение на 1 318 человек [28, л. 61].

Кампания выдвижений затронула и Восточную Сибирь. Так, уже в январе 1948 г. на должность зам. председателя Читинского облисполкома была выдвинута А. Е. Матвеева [7, л. 1], в 1950 г. аналогичную должность в Иркутском облисполкоме заняла

В. М. Лаврененко, в сентябре 1952 г. в Красноярском крайисполкоме – И. А. Масленникова [20, л. 49].

Все же предпринятые меры не изменили наметившейся тенденции сокращения доли женщин в составе руководящих кадров всех уровней. В БМАССР на руководящих должностях на 1 января 1950 г. оставалось 94 женщины, или 13,5 %, а к 1 января 1954 г. – при сохранении неизменной общей численности – их удельный вес уменьшился до 12,1 % [21, л. 9].

В 1959 г. крайне незначительным было участие женщин в работе партийных органов: лишь 2 женщины работали в качестве вторых секретарей райкомов КПСС, еще 11 – зав. отделами РК и ГК КПСС. Несколько лучше обстояло дело с выдвижением женщин на советскую работу. Женщины занимали должности министра здравоохранения, зам. министров просвещения, торговли и соц. обеспечения, возглавляли Госплан республики и 3 горрайисполкома [22, л. 50].

В Иркутской областной партийной организации, насчитывавшей в своих рядах в 1950 г. 19,6 % женщин, на номенклатурных должностях обкома партии их было только 235, что составляло 10 % от общего числа работников. Из них секретарями районных и городских комитетов ВКП(б) работало лишь 5 человек, и ни одна женщина не возглавляла райисполкома [24, с. 80]. И в течение ближайшего десятилетия ситуация оставалась практически неизменной.

В Читинской области на протяжении 50-х гг. сохраняется поддерживается положение, когда – в различных сочетаниях – по два районных или советских органа возглавляются женщинами (1955 г. – женщинами возглавляются два РИКа, 1958 г. – райком КПСС и райисполком) [5, л. 28, 30]. Однако к 1 января 1960 г. в числе первых секретарей райкомов, горкомов и окружка КПСС женщин уже не было. В качестве остальных секретарей работало лишь 3 женщины. В облисполкоме только один отдел возглавлялся женщиной. Одна женщина возглавляла РИК и еще две работали зам. председателями райисполкомов [6, л. 82].

И даже в составе региональных советов, участие в которых для большинства членов являлось не более чем номинальным включением во властные структуры, представительство женщин явно не соответствовало их удельному весу в составе населения. Так, несмотря на тенденцию увеличения количества женщин в составе Иркутского Совета депутатов трудящихся – с 22 депутатских мандатов из 87 в 1941 г. до 46 из 153 в 1957 г., на самом деле

оно было крайне незначительным: всего лишь с 25,3 % до 30 % [12, л. 14]. В Бурятской АССР даже в 1959 г. женщины имели лишь 27 % в составе Верховного Совета республики [22, л. 47–50].

В 1960 г. постановление секретариата ЦК КПСС «О недостатках в выдвижении женщин на руководящую работу» стало поводом для новой кампании выдвижений. Так, в Иркутской области к середине 1961 г. женщины были спешно выдвинуты на должности председателем и зам. председателей райгорисполкома – 1 и 3 соответственно [15, л. 15]. В Читинской области уже к 1 января 1961 г. один из трех горисполкомов городов областного подчинения и один из шести горисполкомов городов районного подчинения возглавили женщины [9, л. 17].

Некоторые подвижки произошли и в сторону увеличения количества женщин в составе региональных советов. Так, уже в 1961 г. в Читинском областном Совете депутатов трудящихся женщины составили 39,5 % (49 мест из 124) [8, л. 7]. В составе Иркутского областного (сельского) Совета в 1963 г. женщины имели уже 41 % (41 депутатский мандат из 100) [14, л. 1].

Однако уже к середине 60-х гг. кампания выдвижений женщин практически сошла на нет, сохранив за женщинами места, главным образом, в составе советов. В целом же гендерные распределения внутри каждого отдельно взятого органа власти или ветви власти и в советский период могут быть представлены в форме «пирамиды» – где больше власти, там меньше женщин.

Литература

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1326.
2. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1340.
3. ГАЗК Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1595.
4. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 2076.
5. ГАЗК Ф. П-3. Оп. 7. Д. 79.
6. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 374.
7. ГАЗК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 3052.
8. ГАЗК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 3437.
9. ГАЗК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 3479.
10. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 427.
11. ГАИО. Ф. Р-1933. Оп. 2 оц. Д. 365.
12. ГАИО. Ф. Р-1933. Оп. 7. Д. 873.
13. ГАИО. Ф. Р-1933. Оп. 7. Д. 1433.
14. ГАИО. Ф. Р-1933. Оп. 7. Д. 1824.
15. ГАИО. Ф. Р-1933. Оп. 7. Д. 1968.
16. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26 Оп. 1. Д. 266.
17. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 14. Д. 78.
18. ГАКК Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 304.
19. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 3304.

20. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 3913.
21. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 5954.
22. ГАРБ Ф. П-1. Оп. 1. Д. 6848.
23. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 110. Д. 13.
24. Казаров В. И. Деятельность партийных организаций Восточной Сибири по подбору и расстановке руководящих партийных и советских кадров (1946–1956 гг.) // Партийные организации Восточной Сибири в борьбе за построение социализма и коммунизма. – Иркутск, 1968.
25. Модсли Э. Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг. / Э. Модсли, С. Уайт. – М., 2011.
26. Очерки истории Иркутской организации КПСС. Ч. 2, кн. 1. – Иркутск, 1975.
27. Очерки истории Красноярской краевой организации. КПСС (1895–1980 гг.). – Красноярск, 1982.
28. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 571.
29. Серен А. 100 лет со дня рождения Хертек Анчимаяа-Тока [Электронный ресурс] / А. Серен. – URL: <http://www.tuva.asia/news/tuva/4293-anchimaa100.html>
30. Фомичев Ю. Глава республики – женщина [Электронный ресурс] / Ю. Фомичев. – URL: <http://www.kizhinga.ru/index.php/mn/smi/dk/34-85-let/101-chapter-of-the-republic-a-woman>

МЯСНИКОВ Д. А.

К ВОПРОСУ О ВОЗВРАЩЕНИИ ВЫБОРОВ ГУБЕРНАТОРОВ

Электоральный цикл 2011–2012 гг. в нашей стране ознаменовался резкой активизацией политического процесса. Толчком к этой активизации стали выборы в Государственную Думу и президента страны. На этом фоне произошел раскол внутрикремлевской элиты на, условно говоря, «медведевских» и «путинских». Важным дестабилизирующим фактором стали попытка цветной революции и массовые акции протеста в крупных городах страны. Реакцией федеральной власти на эти события стала политическая реформа, заявленная Дмитрием Анатольевичем Медведевым в декабре 2011 г.

Эта реформа предполагает несколько элементов – например, изменения в закон о выборах депутатов Государственной Думы, достаточно спорные изменения в закон о политических партиях, введение единого дня голосования – в конце сентября. Одним из элементов политической реформы стало возвращение прямых выборов глав субъектов Федерации.

26 апреля этот законопроект был принят Государственной Думой, 2 мая подписан Президентом и вступил в силу с 1 июня 2012 г. Основные параметры нового закона следующие [1]: